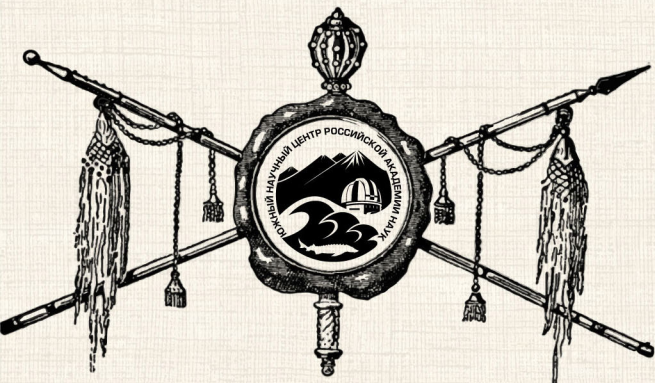

Июль – Сентябрь
July – September

2025

КА Научный журнал **Том 1 / Номер 3**
АЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 1 / No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 1. № 3
2025

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47)

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ИЛИ «НЕДРУЖЕСТВЕННЫЙ» АКТ?

© 2025 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается ситуация с захватом казаками в 1637 году Азова. Показывается сложившаяся в тот период международная обстановка в Причерноморье. Доказывается, что казаки хотели сделать из Азова вольный город, и это было не в интересах Русского государства. Захват и удержание Азова были для казаков бесперспективны, поскольку вся территория вокруг города была турецкой. Захват казаками Азова и их набеги на турецкие берега постоянно мешали созданию русско-турецкого союза против Польши.

Ключевые слова: Войско Донское, Россия, Турция, Польша, Азов.

A GREAT FEAT OR AN "UNFRIENDLY" ACT?

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article examines the situation with the capture of Azov by the Cossacks in 1637. It shows the international situation in the Black Sea region at that time. It is proved that the Cossacks wanted to make Azov a free city, and this was not in the interests of the Russian state. The capture and retention of Azov were not promising for the Cossacks, as the entire territory around the city was Turkish. The Cossacks' capture of Azov and their raids on the Turkish coast constantly hindered the creation of a Russian-Turkish alliance against Poland.

Keywords: Don Army, Russia, Turkey, Poland, Azov.

Донские казаки практически с момента своего возникновения стали фактором международных отношений в Причерноморском регионе, но зачастую количественный рост и расширение их ареала нарушали сложившийся баланс сил, и игроки «большой политики» стремились или использовать казаков, или уничтожить их.

Во 2-й половине XVI в., когда казаки становятся «реальностью» причерноморской степи и окружающей ее водной логистики, международная обстановка в регионе была следующей. На севере и по всему течению Волги росло и набирало силу Русское государство. Оно, собственно, и «выдавило» из себя воинов, не сумевших вписаться в новые реалии самодержавия.

Как считали Л.Н. Гумилев и А.М. Панченко, «шестнадцатый век можно назвать веком русского одиночества... Византия и Балканы не так давно стали провинциями Османской империи. Из православных держав только Русь и Грузия (регулярных связей с ней не было) сохраняли независимость» [1, с. 81]. Но геополитическая ситуация упорно навязывала централизованному Русскому государству две «программы». Первая: Россия могла стать логистической сверхдержавой, зарабатывающей на транзите, торговле и перепродаже. Воплощение в жизнь этой програм-

мы требовало укрепления на Балтике и в Волго-Каспийском регионе, дружбы с протестантами и Персией, поддержки купечества. Вторая программа предполагала колонизацию Дикого поля через строительство засечных черт и развитие на отвоеванной территории помещичьего землевладения, важнейшей целью этой программы была поддержка зародившегося и развивающегося дворянства.

Силой, которая активно участвовала в освоении Дикого поля, были казаки.

Изначально взаимоотношения российского правительства и донской казачьей верхушки были настороженными. Известна грамота Ивана Грозного от 3 января 1570 г. «Донским атаманам и казакам... тем бы вы Нам послужили... а Мы вас за службу жаловать хотим» [2, с. 9]. Казачья верхушка была против государственного вмешательства в свои дела. Сакраментальной стала фраза: «Мы на Русь лиха не мыслим. Царствуй белый царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону». Взаимоотношения осуществлялись через Разряд – орган, набирающий (в том числе) наемные отряды.

В это время, как известно, на Дону господствовала идеология, напоминающая идеологию боярской оппозиции времен Ивана IV Грозного. Старинная песня четко определяет отношение к царю и конкретным врагам (известно, что бояре, например, были против войны в Прибалтике и считали, что главный враг России – степные кочевники) [3, с. 104]:

Ох и горд наш батюшка Тихий Дон,
Царю Белому он не кланялся,
У Москвы как жить не спрашивался,
А с Туретчиной и Татарщиной
Саблей острой век здоровался.

Напомним, что олень (на гербе у казаков он изображался пронзенный стрелой) был еще и на гербе князей Шуйских, лидеров боярской оппозиции.

Русское государство, в свою очередь, тоже осваивало Дикое поле, во второй половине 1560-х, второй половине 1570-х, начале 1580-х гг. были основаны почти все русские города Черноземья.

С северо-запада над регионом «нависало» государство, «где короли давно уже были только для смеха» – Речь Посполита [4, с. 193]. Это объединившееся на основе Польского королевства и Великого княжества Литовского государство изначально вело противоречивую политику. Католики-поляки хотели иметь союзника против Швеции и Турции, и чтобы этот союзник не вмешивался в дела Речи Посполитой. Литовцы хотели либо расширить республику, либо вовсе отойти к Москве от Речи; воевать за Польшу против Швеции они не хотели (сами симпатизировали протестантству). Их лидеры мечтали об общем правительстве из Гедиминовичей, униатском компромиссе и московском князе на польском престоле. Усилением Польши были заинтересованы в Ватикане: она бы сдерживала немецких и скандинавских протестантов и Габсбургов, давала бы паству и деньги и воевала против турок.

Габсбургам (имперцам) были выгодны отношения с Москвой: с одной стороны, против Польши и Турции, а с другой – против протестантов тевтонцев и шведов.

Турки, воевавшие против Габсбургов и Персии, не хотели получить третий фронт на севере и давили на Россию через консервативное крыло церкви, радующееся появившемуся в Москве патриарху и опасавшееся униатства. К концу XVI в., ведя

постоянные войны на два фронта, османы были заинтересованы в вечной войне между Польшей и Москвой.

Признавшие власть турок крымские татары при поддержке Порты в 1502 г. добились Большой Орды, и Крым стал ее правопреемником. В XVI в. крымчаки, будучи союзниками османов, помогали туркам в Европе и Иране и, как наследники Орды, пытались вернуть Поволжье.

Ордынские амбиции Крыма туркам были безразличны, за исключением периода правления Селима II Пьяницы (1571 г.). Да и собственных сил крымчакам не хватало. Их потери в войнах на стороне турок в Европе и на Кавказе были велики. В переписке с Москвой они даже рассказывали о планах уйти из Крыма в окрестности Киева и жить независимо от турок.

На Диком Поле, разделяющем Россию и Турцию, казачество – донское и запорожское – тесно общалось с татарами (в перерывах между набегами), участвовало в их междоусобицах и вместе с ними выступало против Польши.

Изменение ситуации обозначилось с началом Смуты в России.

Весной-летом 1605 г., когда власть в Москве взял Лжедмитрий I, на юге Московии началась подготовка похода на Крым и в Путивль, лучшую крепость юга, стали свозить запасы и казну.

До военного столкновения дело не дошло. Трагические события Смуты, безвластие заставили все сменяющие друг друга российские власти жить внутренними проблемами. Из внешних сил наиболее опасными для России стали поляки.

Турки, видимо, отдавали себе отчет, что установление в Москве власти польского короля или иного пропольского правительства включит Россию в ряды антитурецкой коалиции. Поэтому за время Смуты не было ни одного серьезного крымского набега на русские земли, поскольку успехом такого набега воспользовались бы поляки.

Пытаясь стабилизировать ситуацию и выбрав в 1613 г. нового царя из династии Романовых, русские власти сразу же стали восстанавливать дипломатические связи с Турцией.

В 1613 и 1615 гг. были направлены посольства в Турцию. Турки оставались верны своей прежней политике. Когда в 1615 г. русские послы прибыли в Турцию, «в Константинополе ждал их почетный прием: великий визирь сказал им: "Вы у нас гости добрые, приходите к нам с делом добрым и любительным, и государь нам велел вам почесть воздавать свыше всех послов великих государей и ставит себе государя вашего великим и неложным другом и приятелем". Но казаки не замедлили помешать делу» [5, с. 59].

В первые годы после Смутного времени, пользуясь слабостью государства, казаки добились права беспошлинной торговли по всей территории России и осуществления взаимоотношений через Посольский приказ, но при этом получали из Москвы жалование за определенные услуги по охране дальних подступов к границе, по сопровождению посольств и т.п., то есть установились взаимоотношения, напоминающие сюзеренитет – вассалитет: «Эти люди видели в себе рыцарей и обладали некоторыми рыцарскими чертами характера, типичными для вольных военных слуг – вассалов своего сюзерена-государя и нетипичными для русских служилых людей, закрепощенных службой государству» [6, с. 468].

Во время Смуты, когда долгое время турки запрещали крымским татарам ходить в набеги на русские земли, пограничный Дон стал относительно безопасным

местом и туда стали стекаться «навоевавшие» служилые люди, а когда основные военные действия на территории России закончились, туда же потекли те, которые «не навоевались». Резко возросло количество казачьих набегов на земли крымских татар и на земли непосредственно турецкие. Нападали как донские казаки, так и запорожские. И если запорожцы к тому времени формально считались подданными польского короля, который рассматривался турками как естественный противник, то донцы, не являясь формально московскими подданными, получали жалование от русского правительства, и это осложняло русско-турецкие переговоры. Русские послы пытались сгладить ситуацию, преподнося подарки визирю и другим турецким чиновникам, но «казаки пересиливали соболей» [5, с. 61]. И русские послы вынуждены были заявлять: «Хотя бы турецкие люди донских казаков до одного человека побиили, то наш великий государь вашему за то не постоит...» [5, с. 61].

Турки, казалось, были такими объяснениями удовлетворены, и на последующем дипломатическом приеме польский посланник был посажен ниже московских.

После 1618 г. заинтересованность в союзе с Турцией у русского правительства возросла. По Деулинскому перемирию Польше отошел от России Смоленск, и вернуть его своими силами для предельно ослабленной Смутой стране казалось невозможным.

Турки, вынужденные постоянно ожидать войны на два фронта, тоже были заинтересованы в союзнике против католической Европы.

В 1620-е гг. турки несколько раз слали в Москву послов «с предложением воевать вместе Польшу» [5, с. 191]. Россия была согласна на совместные военные действия, и в 1622 г. было направлено очередное посольство в Турцию. Но казаки демонстративно мешали переговорам и «поехали также на море в присутствии посланников» [5, с. 191].

В 1627 г. турки опять предлагали России союз против поляков. В Турции особенно активно идею союза с Россией лоббировала греческая православная диаспора. Грек Кантакузен в качестве турецкого посла, начиная с 1627 г., несколько раз ездил в Москву и звал в совместный поход на поляков. И в 1628 г. русское посольство было направлено в Константинополь уточнять детали. И опять казаки напали на крымских татар и выжгли два города в Крыму.

Грек Кантакузен в 1630 г. опять звал русских в совместный поход на поляков. И опять вроде бы договорились. Казаков же царь Михаил Федорович предал опале, а патриарх Филарет отлучил их от церкви. Вместе с Кантакузеном русские послы отправились в Турцию, но на этот раз турки подвели – у них началась война с Ираном. Казаки на некоторое время притихли. В 1632 г. русское правительство, готовясь к войне с Польшей, об опале и отлучении забыло, но потребовало присяги на верность – крестного целования. Казаки ответили: «И крестного, государи, целования на Дону, как зачался Дон казачьими головами, не повелось», [7, с. 324] – и долго перечисляли, когда и как они служили России, но креста не целовали.

В первой трети XVII в. стало проявляться двуличие донской казачьей верхушки. В 1627 г. при войсковом атамане Епифане Радилове прошел круг. «Под явным московским давлением этот круг принимал решение о запрете "воровских" походов на Волгу, о смертной казни за такие походы и за помощь в организации волжского "воровства" ссудами в разной форме. Это решение стало частью войскового права. Однако оно не дало результатов и "воровские" походы продолжались, поскольку в них было материально заинтересовано все донское казачество» [8, с. 130]. Домо-

витые казаки сами в «воровских» походах старались не участвовать, но с «воровскими» казаками «не только знали, но и давали им ссуды на "воровские" походы, в т.ч. порохом, свинцом, иногда даже лодками» [8, с. 130], а потом получали часть добычи.

В 1630-е гг. казачье сообщество на Дону сильно разрослось. К этому времени относятся многочисленные удачные совместные морские походы донских и запорожских казаков, которые известный донской историк В.Н. Королев окрестил «Босфорской войной». Идеологическим прикрытием войн того времени часто была религия. У донских казаков был конфессиональный враг – турки, захватившие Константинополь, центр православного христианства. На экономическом уровне шла борьба за рыбные промыслы с турками, преградившими выход в устье Дона и Днепра, борьба за пастбища с кочевниками (ногайцами, татарами, калмыками). Причем экономический фактор осознавался и как борьба за освобождение православных русских людей, которые являлись одной из основных статей дохода татар и ногайцев, промышлявших работорговлей.

Кстати, при захвате турецкого Азова казаки отбили 713 пленных, но «русских людей» среди них оказалось всего 150, остальные 563 были неудачливыми донскими казаками, попавшими в плен во время набегов [9, с. 96].

С одной стороны, через руки казаков проходила (или скапливалась) огромная добыча. С другой стороны, зона проживания и активности казаков стала предельно опасна для их соседей, в первую очередь – турок (крымские татары, ногайцы и черкесы сами вели такую же разбойную жизнь, только грабили другие территории), и тогда следовало ожидать оттока населения от побережья и появления военных судов на смену торговым. Для разбойного сообщества в таком случае видится два пути: из криминальной структуры превратиться в «охранную» (что казаки отчасти и сделали, но из разоренной Смутой России больших денег ждать не приходилось), либо криминальную зону превратить в офшорную.

Основой для такой зоны мог стать богатый Азов, вокруг которого казаки всё время «промышляли». Захват Азова мог стать первым шагом на пути создания независимого государства наподобие пиратских республик в Атлантике и на Средиземном море. Идею создания вольного города могли подать выходцы из Новгорода.

Четкому решению захватить Азов предшествовала агитационная кампания. Еще в 1635 г., как писал В. Сухоруков, казаки единодушно заговорили: «Если бы государь повелел нам взять Азов, то бы не лилась кровь христианская, православные не изнемогали бы у бусурман в рабстве и нетрудно бы тогда было покорить самый Крым и ногаи; хотя бы не более двух тысяч человек прибавил к нам из украинских городов только для виду, мы Азов город давно бы взяли» [10, с. 188].

Впрочем московскому правительству теперь было не до покорения Крыма и ногайцев. После проигранной войны с поляками и подписания Поляновского мира русские власти стали отгораживаться от разорительных татарских набегов, строить новую мощную засечную черту. Но отгораживаться от Степи в глазах многих казаков значило – отгораживаться от Дона.

В это время как раз возрастает интерес к казакам в Европе: «Активизация казачьих военно-морских операций и Босфорская война (постоянные набеги казаков на окрестности Стамбула В.Н. Королев назвал "Босфорской войной". – А. В.) вызвали огромный интерес к казачеству в Западной Европе, где рассматривалось несколько планов участия казаков в сокрушении Османской империи путем нападений на Анатолию и Стамбул» [11, с. 660]. В использовании казаков были заинтересованы

Венеция и Ватикан: «Контакты с запорожскими казаками пыталась установить Испания» [11, с. 660]. И действия казаков были на руку некоторым другим европейским странам.

Первый раз решение о взятии Азова казаки озвучили в 1635 г., когда вышли в море вместе с запорожцами. Они вместе собирались промыслить под Керчью, а на обратной дороге взять Азов. Даже дату осады назначили – на Петров день. Но появление в море турецких галер заставило казаков отказаться от своего дерзкого плана. И донцы, и запорожцы стали возвращаться восвояси. На обратном пути запорожцы захватили польскую крепость Кодак, считавшуюся неприступной, и это, видимо, еще больше раззадорило донцов. Вообще запорожские казаки пользовались на Дону большим авторитетом, поскольку количественно превосходили донцов в несколько раз.

Большое влияние на планы донцов оказало изменение международной обстановки. Турки втянулись в неудачную войну с Ираном. Пользуясь этим, крымский хан Инает-Гирей, усилившись присоединением к нему орд Большого и Малого Ногай, перестал подчиняться туркам, напал на Кафу, где стоял турецкий гарнизон, и убил кафинского пашу. Турки послали на крымчаков аккерманского владетеля Кантемира. Польский король поддержал крымского хана. С его ведома против Кантемира вместе с крымчаками выступили пять тысяч запорожцев, «из грошей», и 600 реестровых казаков.

Видимо, решение захватить Азов окончательно оформилось у казаков в конце 1636 г. Но для такой операции нужны были боеприпасы, и 21 ноября в Москву была послана станица во главе с самим войсковым атаманом Иваном Каторжным. Привезенная Каторжным отписка гласила, что казаки «наги, босы и голодны», что многие орды «хотят под наши казачьи городки войною приходить и наши нижние казачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет» [5, с. 204]. То есть, казаки просили свинец и порох для оборонительной войны. Но еще зимой, до возвращения Каторжного, «все нижние и верхние донские городки были оповещены войсковыми старшинами, чтобы все казаки, совсем готовые к походу, в полном вооружении и снаряжении, по весне явились в Главное Войско для решения важнейшего и неотложного дела... все до единого донцы знали, зачем их вызывали в главное войско, и все ехали с твердым решением воевать ненавистный Азов и во что бы то ни стало добыть его» [12, с. 88]. И толмач русского посольства Буколов, оказавшийся в это время на Дону, слышал разговоры казаков: «Если к нам будет государская милость, позволит в Азов приходить к нам с Руси на житье охочим и вольным всяким людям и запасы всякие к нам привозить, то они Азов не покинут, а станут в нем жить» [13, с. 114].

Пока Каторжный был в Москве, стало известно, что в Азов прибыл турецкий посол Фома Кантакузин и собирается ехать дальше в Москву. 26 февраля 1637 г. Каторжного отпустили с грамотой из Москвы. В грамоте говорилось, что вскоре за турецким послом поедет на Дон русский пристав Чириков и повезет казакам жалование, а казаки должны помириться с азовцами, принять из Азова Кантакузина и передать его Чирикову.

После отъезда Каторжного в Москву 8 марта прибыла посольская станица Тимофея Яковлева с известием, что Кантакузин перебрался из Азова к донцам.

Как писал С.М. Соловьев, Кантакузин поехал в Россию «для торговли, но под видом посланника» [5, с. 203]. Сама эта формулировка вызывает вопросы.

Обычно турецкие послы ждали в Азове, когда за ними приедут для сопровождения русские приставы. Те добирались водным путем, прибывали на Дон в конце весны. Кантакузин ехал в Россию не первый раз и всё это знал. Но он явился к казакам, не дожидаясь приезда русского пристава. «Приехавши на Дон, Фома послал сказать казакам, будто султан прислал к ним жалование, 4 кафтана; казаки отвечали: "Прежде к великому государю посылаемы были от султана послы и посланники, но ничего к нам, казакам, от султана не привозили; ясно, что он, Фома, затевает это сам собою и кафтаны нам дает от себя; у Донского войска государевым жалованием всего много, и эти его подарки нам не нужны". Но кафтаны были привлекательны, и казаки, помедлив немного, взяли их у Кантакузина» [5, с. 203]. Ясно, что четыре кафтана в качестве жалования для всего Войска никто всерьез не рассматривал. Даже по сравнению со скудным царским жалованием это выглядело насмешкой, жалкой подачкой. Скорее всего, это была попытка турецкого чиновника подкупить какую-то часть казачьей верхушки. И даже не попытка подкупа, а проверка – «возьмут – не возьмут». И время было выбрано удачно – о ситуации в России мы уже говорили. Что касается турок с их имперской политикой, то позже они в открытую предлагали казакам переселиться на Средиземное море. Этим были бы успокоены северные границы Порты, а все противники турок на Средиземном море испытали бы на себе, что такое казачьи набеги.

О чем говорил Кантакузин с казачьими старшинами с февраля по апрель 1637 г., неизвестно, но в апреле Войско Донское, презрев царские повеления, выступило на Азов.

В разгар осады Азова, как только русский пристав явился за турецким послом, казаки этого посла, Фому Кантакузина, убили, обвинив в шпионаже. Порох, привезенный приставом вместе с другим жалованием, казаки использовали для взрыва азовской крепостной стены.

11 июля казаки взяли привезенное царское жалование. В Москву они написали: «А как Азов взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти в Азов с твоим государевым жалованием» [10, с. 200].

Итак, турецкий посол был убит, турецкий город взят казаками, и русский дворянин выплатил царское жалование казакам в стенах взятого турецкого города. Причем было известно, что «Азов со времени Баезида II Вели (Святого), правившего в 1481–1512 гг., являлся султанским хассом – личным владением дома Османов» [11, с. 611].

Туркам давался повод объявить России войну, а Россию принуждали выпутываться из сложившейся ситуации и тратить время на ее прояснение и осмысление.

Еще один факт придавал взятию Азова явный вид государственной измены. В штурме Азова принимали участие запорожские казаки, формальные подданные польского короля. Толмач Буколов ясно высказался об этом: «Да в те ж поры пришли на Дон из Запорог черкасы запорожские степью с коньми с 1000 ч[еловек], а чаяли тово, что донские казаки пойдут на море. И черкасы [,] сложась с донскими казаками [,] приговорили идти с ними ж под Азов. И пошли донские казаки и запорожские черкасы под Азов после Велика дни на другой неделе в среду, и Азов осадили» [13, с. 114].

Мы видели, что Россия несколько раз безуспешно пыталась создать союз с Турцией для совместного похода на поляков, но союз и, естественно, поход срывались, так как донские казаки вместе с запорожцами выходили на море и грабили турецкое

побережье. Теперь донские казаки вместе с польскими подданными захватили турецкий город. Впрочем, вряд ли это подходило под понятие «государственная измена», так как казаки на верность России не присягали, но явно был виден выход из-под контроля и проведение своей «недружественной» по отношению к России политики.

И всё же в Москву отправили отписку о взятии Азова, а с ней отправили посольство из пяти человек, видимо, кого было не жалко. В отписке от запорожцев открестились: «А ссылки де у донских атаманов и казаков з запорожскими черкасы о том не бывало, и на помочь к ним из Запорог и с моря черкасы запорожские прибыльные люди н[ы]нешние весны не бывали. А которые де запорожские черкасы у них на Дону живут и те под Азовом в Войске были и н[ы]не с ними ж» [13, с. 118].

В Москве никак не могли разобраться и запрашивали: «...А атаманов и казаков добрых к нам не прислали, кого подлинно спросить, как тому вперед быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а с ним четырех казаков, молодых людей» [14, с. 570]. Потапа Петрова с «молодцами» в Москве задержали и стали ждать точных сведений. Но донцы в следующей отписке сообщили, что крымские татары пошли на русские земли, а они, донские казаки, отправили отряды «промышлять» над татарами. Как оказалось, на татар они не ходили, а укрепляли Азов.

Из Москвы стали казаков упрекать, обвиняли Ивана Каторжного и Тимофея Яковлева, что знали о предстоящем походе на Азов, но в Москве не сообщили, и требовали, чтоб прислали новое посольство, «лучших людей». Донцам еще написали, что очередной набег крымских татар был подан крымчаками как месть за взятие Азова, что крымский посол говорил, «что будто вы, атаманы и казаки, Азов взяли с нашего царского повеления» и помощь от царя получили «для Азовского взятия» [14, с. 594, 595].

Султану же написали, что казаки взяли Азов самовольно, ссоры с Турцией Россия не хочет и за казаков не стоит, «хотя их, воров, всех в один час велите побить» [10, с. 206].

Казакам в Москве не верили и в грамоте от 26 ноября 1637 г. требовали прислать отписку о настоящем положении дел на Дону и в Азове и прислать бумаги убитого Кантакузина [14, с. 611].

Казаки 3 декабря 1637 г. в отписке предложили, «если будет Азов годен», чтобы царь «указ об Азове учинил» [14, с. 643]. То есть, припугнули войной с Турцией. А грамот Кантакузина они якобы не нашли [14, с. 644].

В последующей переписке между Доном и Москвой позиция казаков несколько раз менялась. Жизнь в отбитом городе наладить было трудно. После выкупа плененных торговля со стороны Турции с Азовом прекратилась, а других торговых партнеров поблизости не было. Многие казаки стали недовольны взятием Азова – один раз город разграбили, но больше вокруг грабить стало некого. Казаки Черкасского и Манычского городков, чаще других «промышлявшие» вокруг Азова, даже в 1641 г. отказались защищать город («мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки») [15, с. 177].

В 1638 г. казаки не столько просили жалования, сколько требовали, чтобы к ним пропускали для торговли людей из «польских и украинских городов» и делали это «без задержания и зацепки» [14, с. 709, 725].

Донской историк Е.П. Савельев считал: «Азов сделался христианским вольным городом» [7, с. 331].

В зависимости от ситуации, когда становилось голодно и люди из Азова начинали «разбредаться», казаки заявляли, что готовы передать город русскому царю, в своих грамотах писали, что всё происходит «около твоей государевой отчины Азова» (21 ноября 1639 г.) [14, с. 982]. Но когда в Азов прибыло посольство из Ирана, воевавшего с Турцией (персы были очень рады, что турки получили такую пощечину), и даже пообещало казакам жалование (его якобы отбили горские черкесы), то донцы о своих обещаниях отдать город царю забывали.

В 1640 г., когда казаки потерпели поражение на море и ждали прихода под Азов турецких войск, атаман Наум Васильев с казаками написали в Москву, что казаки взяли Азов «в вотчину» царевичу Алексею Михайловичу. Но привезший грамоту атаман Дементий Гаврилов этого не подтвердил, но уверил, что из города донцы не уйдут. Впрочем, из его речей вытекало, что жизнь после взятия Азова стала хуже: «А была-де им добыча, как Азов был за турецкими людьми, и рыбные снасти привозили в Азов из турецких городов, а из русских-де городов снастей рыбных не привозят, и рыбы им ловить нечем, потому им стало и нужно» [15, с. 63–64].

Как считал Л.Н. Гумилев, «пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков» [16, с. 266].

Непосредственно перед приходом турок, когда стало ясно, что затея с вольным городом провалилась (Азовское и Черное моря не Атлантика, турецкая блокада торговать не даст), с Дона постоянно писали, что Азов взят Божьей милостью «вам государям в вотчину» [15, с. 50]. Но у России в то время не хватало силы ввязываться из-за такого «подарка» в войну с Турцией.

И осознавая отношение Москвы к себе и к своей аванюре, казаки как-то сказали в Азове туркам: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего» [6, с. 448].

Когда казаки всё же отбились от турецкой армии в 250 тысяч человек и сами понесли великие потери, вообще встал вопрос о существовании казачества на Дону. В грамоте, которую привез в самом конце 1641 г. атаман Наум Васильев, казаки подтверждали, что взяли Азов «на счастье» Алексею Михайловичу, ему «в вечную славу и в вотчину» [10, с. 208], и просили прислать к Рождеству в Азов царского воеводу, иначе грозились город бросить из-за обилия потерь и множества раненых – «перераненых, без глаз, и без рук, и без ног стало много» [15, с. 261]. Потери казаков действительно были огромны. В осаду сажались 7590 «отборных оружных» казаков, а после осады преследовать уходящих турок вышла одна тысяча [9, с. 135, 167].

Царь от Азова всё равно отказался из-за вызовов внешней политики, так как «все внимание было обращено на Запад, все силы государства были направлены туда» [5, с. 270].

С точки зрения теории пассионарности Л.Н. Гумилева, у донских казаков произошёл пассионарный надлом. Как говорил Александр Македонский, «людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладко жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу» [16, с. 265]. Но большая часть защитников Азова погибла, и, как мы увидим, в дальнейшем верхи казачества стали исповедовать уже другие ценности.

Казаки оставили Азов 1 мая 1642 г. Вскоре они получили жалование и наказ, чтобы с турками, вернувшись в Азов, помирились «и жили с ними смирно, задоров никаких не чинили, и на море не ходили, и судов не громили, и сёл и мест турецкого не воевали» [10, с. 210].

Но турки вскоре решили «поквитаться с казаками за азовский позор. Самостоятельно отразить этот натиск казакам оказалось не под силу, они несли огромные потери и молили Москву о помощи» [17, с. 33].

Имел ли захват Азова какую-либо перспективу для казаков? «Вольный христианский город»? Мы помним судьбу всех «вольных городов» в условиях образования и укрепления империй. Помним судьбу того же Новгорода. Да и чисто географическое положение не давало каких-либо перспектив. Все земли и воды вокруг Азова на тот период были турецкие.

А если бы казаки не захватили Азова и сохранили силы? Впрочем, мы помним, что «история не имеет сослагательного наклонения». Но помним и то, что, накопив сил, казаки рискнули побороться со всей Россией во главе с «самым романтическим героем нашей истории» и только, будучи разбиты, присягнули России на верность. Да и верхушка казаков этих «романтиков» не поддержала.

Но будем исходить из реалий.

В апреле 1644 г. казаки писали в Москву, что они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противу их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть» [18, с. 115].

А некоторые атаманы получили от государства земельные пожалования и стали помещиками. В 1643 г. бывший войсковой атаман Тимофей Яковлев Лебяжья Шея получил 750 четвертей земли. А в 1646 г. Осип Лосев и Томила Карякин – по 500 четвертей за их отличие при обороне Азова.

С этого времени взаимоотношения Дона и Москвы «корректируются». Само русское правительство посылает на Дон на усиление казачества 3000 набранных в России вольных людей (из которых на Дону буквально на следующий год остается половина), а в 1648 году на Дон является полк русских солдат, который остановился около Черкасского городка и окопался.

Опасность внешнего, европейского, воздействия на казаков оставалась: «С середины 1640-х гг. в связи с началом венецианско-турецкой войны Венеция провела серию переговоров с Польшей и казаками об ударах по Османской империи со стороны Черного моря. Главная надежда при этом возлагалась на Войско Запорожское, однако его действия были скованы борьбой с Речью Посполитой...» [11, с. 660].

Взаимоотношения казачьей верхушки с Москвой после Азовского сидения продолжали развиваться. Идея превратить криминальную зону в офшорную провалилась, оставалось из криминальной структуры превратиться в «охранную».

Донцы, несколько раз нарушившие царскую волю, относительно отношений к себе Московской власти не обольщались. И позже, оглядываясь на слободских казаков, обращенных в гусары, на распущенное Запорожье, на упраздненных реестровых, многие на Дону, видимо, были рады тому, что имели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. 126 с.
2. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1913. Часть первая / составил Б.Р. Хрещатицкий. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 408 с.
3. Скрынников Р.Г. Иван Грозный: подробная биография. М.: Родина, 2022. 448 с.
4. Валишевский К. Иван Грозный. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. М.: ИКПА, 1989. 420 с.
5. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М.: Мысль, 1990. 718 с.
6. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 512 с.
7. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен и до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 частях. Репринтное воспроизведение изданий 1915–1918 годов. Часть 3.: История Дона и донского казачества. Ростов н/Д.: Памятники Отечества, 1990. 443 с.
8. Мининков Н.А., Сень Д.В. Классификация казачьих сообществ (войск): научно-методическое сопровождение учебного материала // Казачество на службе Отечеству: мат-лы ежег. междунар. стратегической сессии. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 120–138.
9. Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М.: Вече, 2017. 336 с.
10. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д.: ГинГо, 2001. 516 с.
11. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 704 с.
12. Родионов И.А. Тихий Дон. Краткий очерк истории донского казачества. СПб.: Типолит. т-ва «Свет», 1913 (обл. 1914). 224 с.
13. Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. Вып. 5. 312 с.
14. Донские дела. Книга первая. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1898. 1006 (34) с.
15. Донские дела. Книга вторая. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1906. 1110 (64) с.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и Ко», 1993. 512 с.
17. Никитин Н.И. О взаимоотношениях вольного казачества с Российским государством в XVI – начале XVIII века // Казачество на страже отечества. Сборник научных статей по истории русского казачества. М.: Снежный ком, 2023. С. 22–46.
18. Пушкарев С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII веке // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 105–119.

REFERENCES

1. Gumilev L., Panchenko A. 1990. *Chtoby svecha ne pogasla. Dialog* [To prevent the candle from going out. Dialogue]. Leningrad, Sovetsky Pisatel. 126 p.
2. *Istoriya lejbgvardii kazach'ego Ego Velichestva polka. 1775–1813–1875–1913* [History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment. 1775–1813–1875–1913. Part one. Compiled by B.R. Khreschatytsky. St. Petersburg, Partnership of R. Golike and A. Vilborg, 1913. 408 p.
3. Skrynnikov R.G. 2022. *Ivan Groznyj: podrobnaya biografiya* [Ivan the Terrible: a detailed biography]. Moscow, Rodina. 448 p.
4. Valishevsky K. 1989. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Reprint of the 1912 edition. Moscow, IKPA. 420 p.
5. Solovyov S.M. 1990. *Sochineniya* [Essays]. In 18 books. Vol. 9–10. Moscow, Mysl. 720 p.
6. Mininkov N.A. 1998. *Donskoe kazachestvo v ehpokhu pozdnego Srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Publishing House of Rostov State University. 512 p.
7. Savelyev E.P. 1990. *Istoriya kazachestva s drevnejshikh времен do konca XVIII veka* [The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century]. Historical research in 3 parts. Reprint reproduction of editions from 1915–1918. Rostov-on-Don. 443 p.
8. Mininkov N.A., Sen D.V. 2023. Classification of Cossack Communities (Armies): Scientific and Methodological Support for Educational Material. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestvu* [Cossacks in the Service of the Fatherland: Proceedings of the Annual International Strategic Session]. Rostov-on-Don; Taganrog, Southern Federal University Publishing House. P. 120–138.
9. Venkov A.V. 2017. *Azovskoe sidenie. Geroicheskaya oborona Azova v 1637–1642 gg.* [Azov Sitting. The Heroic Defense of Azov in 1637–1642]. Moscow, Veche. 336 p.

10. Sukhorukov V.D. 2001. *Istoricheskoe opisaniye Zemli Vojska Donskogo* [Historical description of the Land of the Don Army]. Rostov-on-Don, Publishing house "GinGo". 516 p.
11. Korolev V.N. 2002. *Bosforskaya vojna* [The Bosphorus War]. Rostov-on-Don, Rostov University Publishing house. 704 p.
12. Rodionov I.A. 1913. *Tihij Don. Kratkij ocherk istorii donskogo kazachestva* [The Quiet Don. A brief outline of the history of the Don Cossacks]. St. Petersburg, Tipolit. Tovarishchestvo "Svet", (obl. 1914). 224 p.
13. Gusev V.A. (compiled by). 2015. *Sluzhba donskih kazakov XVII vek: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Service of the Don Cossacks in the 17th Century: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks]. Volgograd. Issue 5. 312 p.
14. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book One. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of Estates 1898. 1006 (34) p.
15. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book Two. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of Estates 1906. 1110 (64) p.
16. Gumilev L.N. 1993. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow, Michelle and Co. 512 p.
17. Nikitin N.I. 2023. *On the Relations of the Free Cossacks with the Russian State in the 16th – Early 18th Centuries. Kazachestvo na strazhe otechestva* [Cossacks on Guard of the Fatherland]. Collection of Scientific Articles on the History of the Russian Cossacks. Moscow, Snezhny Kom. P. 22–46.
18. Pushkarev S.G. 1994. The Don Cossacks and the Muscovite State in the 17th Century. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. No. 11. P. 105–119.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕНКОВ Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© А.В. Венков, 2025.

*Дата поступления в редакцию: 25.06.2025.
Дата принятия статьи: 23.07.2025.*